

Он был фанатично предан науке

*А.Л. Блюменфельд¹
(Интервью взял В.В. Птушенко²)*

¹ Университет Айдахо, Москоу, США

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт биохимической физики имени Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия;
ptush@belozersky.msu.ru

Александр Львович Блюменфельд — физик, специалист по спектроскопии ЯМР, работал в ИНЭОС АН СССР в лаборатории А.И. Китайгородского и Э.И. Федины. Сын Льва Александровича Блюменфельда, основателя кафедры биофизики физфака МГУ, коллеги и друга С.Э. В беседе обсуждаются союзнические отношения Л.А. Блюменфельда и С.Э. Шноля в науке и в организации жизни на кафедре биофизики, а также их встречи с Н.В. Тимофеевым-Ресовским.

Ключевые слова: Н.В. Тимофеев-Ресовский, Л.А. Блюменфельд, кафедра биофизики физфака МГУ, «широкие линии» ЭПР, атеизм.

В.В. Птушенко — Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, что значил Шноль в жизни Льва Александровича?

А.Л. Блюменфельд — Значил очень много. Это была огромная поддержка отца — на физфаке, на кафедре. Насколько я понимаю, несмотря на всю прекрасную дружескую обстановку на кафедре, о которой рассказано во многих воспоминаниях, там все же бурлили какие-то свои внутренние процессы, которые надо было как-то контролировать. В общем, это была не такая уж совсем безоблачная ситуация, хотя я, конечно, не очень в курсе этих всех дел. Наверное, в разные моменты были какие-то движения, борьба каких-то разных направлений, а Шноль был над этим, было такое вот в каком-то смысле большое цементирующее влияние его личности. То есть на нем, собственно, и держалась кафедра. Во всяком случае, так мне кажется со стороны. Тем более, где-то уже с середины 1970-х гг. я жил отдельно от отца и не следил за кафедральными делами. Но то, что Шноль был центральной фигурой, во многом объединяющей кафедру, мне кажется, это так.

Рис. 1. А.Л. Блюменфельд и С.Э. Шноль. Москва, 2003 г. Личный архив С.Э. Шноля

Fig. 1. A.L. Blumenfeld and S.E. Shnoll. Moscow, 2003. S.E. Shnoll's personal archives

В.В. — Интересно, а почему именно он? А не Лев Александрович или кто-то еще? В силу своего авторитета?

А.Л. — У отца много времени отнимала работа в Институте химической физики. А все остальные на кафедре... Да, наверное, и авторитет, и кто-то, может быть, кроме науки боролся еще за карьерные соображения — а это то, чего у Шноля не было совершенно. Тем более что он уже тогда переехал в Пушкино. И потом, конечно, его такая фанатичная преданность науке, которая, в общем-то, довольно уникальна. То есть несмотря на все его заскоки и прочие дела, он был абсолютно преданным науке человеком.

В.В. — Я недавно говорил с Анатолием Федоровичем Ваниным, попросил его тоже рассказать о С.Э., что сможет. И, когда я к нему пришел, он мне первым делом показал конференционные тезисы и презентацию, в которой авторы только что обнаружили широкие линии ЭПР в своих объектах — в каких-то делящихся клетках. Ванин показал мне это с восторгом и сказал: «Если бы сейчас на Вашем месте сидел Симон Эльевич, он бы просто, наверное, подпрыгнул от счастья».

А.Л. — Да, да...

В.В. — Сейчас я попытаюсь сформулировать связанный с этим непростой вопрос. Я знаю, что Симон Эльевич был большим энтузиастом широких линий¹. Большим роялистом, чем сам король. И это я помню до последних времен — с каким он восторгом рассказывал про статью Хомутова², в которой тот показал, чем могло бы быть открытое Львом Александровичем явление. И, как я понимаю, во все те моменты в начале 1960-х гг., когда Лев Александрович в чем-то сомневался, Шноль был непоколебим. Скажите, пожалуйста, вот эта его — ну, наверное, не столько деятельность, сколько, скорее, это его чувство — оно не мешало ли, или, наоборот, поддерживало Л.А. в этой сложной ситуации, когда все остальные отвернулись и засомневались?

¹ Широкие линии в спектрах электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) препаратов ДНК и культур клеток, интенсивность которых коррелировала с процессами деления клеток («биогенный магнетит»), открытые Л.А. Блюменфельдом в конце 1950-х гг. История этого открытия, получившего вскоре славу артефакта, весьма драматична; она подробно описана С.Э. Шнолем в посвященной Л.А. Блюменфельду главе книги «Герои, злодеи и конформисты...», а также в его книге «Блюменфельд. Биофизика и поэзия». (Здесь и далее — прим. В. Птушенко.)

² Хомутов Г.Б. О возможной роли ионов железа в изменениях состава комплексов ДНК и их магнитных свойств в процессах клеточного цикла // Биофизика. 2004. Т. 49 (1). С. 140–144.

А.Л. — Про это, пожалуй, ничего не знаю. Мне кажется, что отец потом потерял интерес к этой проблеме. Другие были какие-то дела. Широкие линии... Это же было еще когда? Начало 1960-х?

В.В. — Да, это 1958–1959-й г., первые работы.

А.Л. — Мне было 10 лет тогда. Так что про этот период я ничего не знаю. А когда я был уже в сознательном возрасте — по-моему, это уже ушло на задний план. И только в последние годы как-то вдруг у него опять возник интерес к этому.

То есть это был уже прошедший этап, по-моему, уже не так актуально для него.

В.В. — Но, во всяком случае, убежденность Шноля по крайней мере не раздражала Блюменфельда?

А.Л. — Нет. И сам отец серьезно относился к его научным делам с этими сумасшедшими периодами. Хотя, конечно, там немножко... Были заскоки у Симона Эльевича, это иногда пахло нумерологией.

В.В. — Ну, да, он сам так отчасти в шутку и говорил, только попытался дать ей какое-то естественно-научное обоснование. То есть у Льва Александровича, видевшего вполне близко, что делает и как делает С.Э., у него не вызывала сомнений достоверность получаемых Шнолем результатов?

А.Л. — Мне кажется, он думал, что за этим что-то есть, но он, конечно, с большим скепсисом относился к шнолевской интерпретации.

В.В. — А в самих данных, в точности работы Шноля, он, стало быть, не сомневался?

А.Л. — Нет. Он считал, что эффект какой-то есть, но, может быть, надо его как-то по-другому объяснять. Сама интерпретация Шноля была ему сомнительна.

В.В. — Значит, вот эта работа Л.А., одна из последних³, с двумя ямами, состояниями, между которыми рассматриваются переходы, она была не случайной, это был результат многолетних размышлений?

А.Л. — Видимо, да.

В.В. — То есть у Льва Александровича не было никакого скептицизма в отношении к Шнолю как ученому?

А.Л. — Абсолютно никакого! Научная работа Шноля была ему всегда интересна. Но и околонаучная деятельность, связанная с историей науки, особенно историей российской биологии, очень его привлекала — ему это тоже было интересно.

В.В. — Тогда, переходя к истории науки: может быть, Вы помните что-то про происходившие у Вас на глазах встречи этих трех удивительных людей...

А.Л. — Отца и Шноля с Тимофеевым-Ресовским⁴?

В.В. — Да. Ведь, наверное, это были самые яркие впечатления. Всякий мечтал бы оказаться на Вашем месте!

³ Блюменфельд Л.А. Возможная интерпретация явления макроскопических флуктуаций // Биофизика. 1999. Т. 43 (1). С. 7–11; Блюменфельд Л.А., Зенченко Т.А. Квантовые переходы между состояниями и космофизические флуктуации // Биофизика. 2001. Т. 46 (5). С. 859–861.

⁴ С 1969 г., когда Н.В. Тимофеев-Ресовский был уволен из Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске и принят в качестве консультанта в Институт медико-биологических проблем в Москве его директором О.Г. Газенко, он еженедельно приезжал из Обнинска в Москву, где останавливался у Л.А. Блюменфельда.

Рис. 2. Л.А. Блюменфельд и Н.В. Тимофеев-Ресовский. Миассово, конец 1950-х — начало 1960-х гг. Фото С.Э. Шноля. Личный архив С.Э. Шноля

Fig. 2. L.A. Blumenfeld and N.V. Timofeev-Ressovsky. Miassovo, late 1950s — early 1960s. Photo by S.E. Shnoll. S.E. Shnoll's personal archives

А.Л. — Самые яркие впечатления, конечно, были связаны с Николаем Владимировичем. Это был совершенно потрясающий человек. Ну, Шноль, конечно... как это называется... выдаивал из него со своим магнитофоном. Он его этим даже доводил иногда. Но он хотел из Т.-Р. вытащить все, что тот помнил — а помнил он колоссальное количество вещей. Когда они общались, это был, конечно, монолог Тимофеева-Ресовского, который начинал рассказывать, потом отвлекался, уходил в сторону, еще, и еще, и еще... Это, в общем, было — целая такая эпопея, как роман, то, что он рассказывал. Если начиналось с конкретного вопроса, он давал конкретный ответ, но потом это все превращалось в такой перформанс... И мы все сидели, раскрыв рты, и слушали. А Шноль — со своим магнитофоном все это записывал, а потом обрабатывал. Так, чтобы Шноль когда-то солировал, я такого не помню.

В.В. — Ну, очевидно, он прекрасно осознавал, что это момент, когда надо только молчать и слушать! Но мне интересно, какими глазами они смотрели на него, на Тимофеева, Блюм и Шноль?

А.Л. — Какими глазами смотрели. В общем, как бы Вы смотрели на Дирака, на Бора... Примерно так же они смотрели. Но, конечно, были и некоторые детали. Дело в том, что его классическая биология, генетика Тимофеева-Ресовского — по-моему, она от отца была далековато; он немного другими вещами интересовался — механизмами, физикой процессов. А вот классическая генетика — это было интересно, но это было, в общем-то, не его. А Шноль, конечно, поскольку он был классический биолог, все это прекрасно знал и понимал.

В.В. — Это очень интересно. Потому что кто-то мне рассказывал о своем ощущении, что Шноль был таким... своего рода апостолом Тимофеева-Ресовского, стараясь до всех, с кем он общался, доносить и величие его личности, и вот эти самые сохраненные им воспоминания... И, как я понимаю, именно Шноль в какой-то

мере вдохновил тех людей, которые позже добились реабилитации Тимофеева-Ресовского⁵.

Интересно, а как-нибудь сказывалось на их беседах различие их мировоззрений? Все-таки Тимофеев был человеком... не знаю, как это точнее сказать... глубоко или не глубоко, но, безусловно, религиозным.

А.Л. — Абсолютно, да!

В.В. — Шноль был совершенным атеистом.

А.Л. — Да.

В.В. — А Блюменфельд, как можно судить по его книге «Две жизни», где-то был более мягок чем Шноль, где-то посередке...

А.Л. — Да, примерно все так.

В.В. — Эти моменты когда-нибудь всплывали в их дискуссиях?

А.Л. — Нет, этого я не помню. Такого не было. Да, конечно, Николай Владимирович был абсолютно религиозный человек, особенно после того, как умерла Леся — Елена...

В.В. — Александровна.

А.Л. — Да. Он стал еще более религиозным. Внешне это никак не проявлялось — перед обедом он не крестился, ничего такого не было. Но в разговорах это проскакивало. И это было у него очень естественно, это не было, как иногда это бывает, такой игрой — нет, видно было, что это глубоко внутреннее, и продуманное, и прочувствованное. Он почти каждый раз, когда приезжал по пятницам, ходил в церковь — знаете, на Ленинских горах?

В.В. — Церковь Троицы Живоначальной?

А.Л. — Да. Там отпевали Елену Александровну. И там были его знакомые, и знакомый священник, и он там часто — ну, не каждый раз, но минимум через два раза — заказывал панихиду. Но — нет, никаких разговоров на этот счет не было. Во всяком случае, я не помню. По-моему, это лежало в стороне и не поднималось — и не потому, что это была какая-то запретная тема, но просто... видимо, они считали, что все это абсолютно личное.

В.В. — Вспоминается рассказ о. Александра Борисова о том, как он в последние дни жизни привез к Т.-Р. о. Александра Меня, и как Т.-Р. был счастлив этой возможностью, а о. А.М. потом отозвался о нем как о «человеке Ренессанса», что было у него высшей похвалой⁶.

А.Л. — Да, это, наверное, как раз можно сказать о Николае Владимировиче.

В.В. — И еще, возвращаясь к Шнолю, скажите, пожалуйста: Вы помните его уже только с десятилетнего возраста или он и до этого появлялся у вас в доме?

А.Л. — Ну, наверное, появлялся. Да, конечно, он бывал у нас еще на Казенном переулке. Но это я смутно помню. А вот начиная с 1965–1966 гг., когда мы переехали на улицу Губкина, вот тогда я уже, собственно, его и начал воспринимать.

В.В. — То есть он с Вами, с ребенком, никак не взаимодействовал?

⁵ Возможно, что это — преувеличенное представление. С.Э. Шноль, например, действительно, был инициатором издания воспоминаний (записей устных рассказов) Н.В. Тимофеева-Ресовского. Однако Е.С. Саканян, внесшая огромный вклад в реабилитацию Н.В. Тимофеева-Ресовского, была генетиком по первому образованию и знала о его работах как минимум с конца 1960-х гг. Вопрос о степени влияния С.Э. Шноля на состоявшуюся в 1992 г. реабилитацию Н.В. Тимофеева-Ресовского требует отдельного анализа.

⁶ [Электронный ресурс]. <https://oralhistory.ru/talks/orh-2391/text>.

А.Л. — Думаю, что нет.

В.В. — Я спрашиваю, потому что мне рассказывали о том, как он с детьми сотрудников всегда был очень внимателен, или книжки дарил, и что-то такое рассказывал, что очень вдохновляло⁷.

А.Л. — Нет, этого я не помню.

В.В. — Спасибо Вам большое! Все, что Вы сейчас рассказали, это очень важные для меня детали, даже если кажутся мелкими, но очень красивые.

He was whole-souled in devotion to science

ALEXANDER L. BLUMENFELD¹

(THE INTERVIEW WAS CONDUCTED BY VASILY V. PTUSHENKO²)

¹ University of Idaho, Moscow, Idaho, USA

² M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ptush@belozersky.msu.ru

Alexander Lvovich Blumenfeld is a physicist and an expert in NMR spectroscopy. In the 1970s and 1980s, he worked at the Institute of Organoelement Compounds of the USSR Academy of Sciences, in the laboratories of A.I. Kitaigorodskii and E.I. Fedin. A.L. Blumenfeld is the son of L.A. Blumenfeld, the founder of the Department of Biophysics at the Faculty of Physics of Lomonosov Moscow State University (MSU), and a close colleague and friend of S.E. Shnoll. The conversation explores the scientific partnership between L.A. Blumenfeld and S.E. Shnoll, their joint efforts in shaping the Department of Biophysics, and their interactions with N.V. Timofeev-Resovsky.

Keywords: N.V. Timofeeff-Resovsky, L.A. Blumenfeld, Department of Biophysics at the Faculty of Physics of the Lomonosov Moscow State University, broad EPR signal, atheism.

⁷ См. воспоминания З.И. Вишневской в этом выпуске.